

Литературное творчество

Рассказы Анатолия Александровича Жаренова (1922 – 1975), жизнь и творчество которого связаны и с нашим городом, почти неизвестны широкому кругу читателей. Изданные более сорока лет назад, они ни разу с тех пор не публиковались. Не вошли они и в вышедшее несколько лет назад собрание его сочинений. С разрешения вдовы писателя С. И. Пашковой и при её содействии редакция газеты и других изданий клуба «Зыбка» решила восполнить пробел и познакомит новозыбковских читателей с этими произведениями, написанными автором в бытность журналистской работы на Камчатке, в редакции областной газеты. Сегодня мы предлагаем один из его рассказов, повествующий о жизни труженников Дальнего Востока 60-х годов прошлого века.

Необычное это словечко услышал я однажды в поселке сплавщиков леса. Помню, первый визит я нанес главному инженеру сплавной конторы Кудлину. В кабинете еще не осели спойстые сизые облака табачного дыма: видимо, только что кончилось совещание. Кудлин, прищурив глаз, словно прицеливаясь в пачку бумажек, надписывал их толстым красным карандашом и передавал стоящему возле человеку – не то кладовщику, не то завхозу.

Присев на широкую скамью, заменявшую здесь традиционный диван, я осмотрелся. За окном раскинулась гладь реки, вся исчерченная бонами сплавного рейда, виднелся край понтона и фигуры рабочих, заводивших под пучок из бревен проволочные концы. Дальше, почти у противоположного берега, маленький катер, как муравей соломинку, тащил длинную цепь плотов. Живая эта картина, вписанная в обстановку прокуренного кабинета, как-то не вязалась с пыльным «Рекордом» в углу, пачкой пожелтевших газет на столике рядом, с плакатами – описаниями водяных тревог на кораблях, неизвестно кем и для какой надобности завезенных в поселок, по крайней мере на пятьсот километров отстоявший от моря.

Некогда ему что ли порядков навести, - подумал я и прислушался к разговору.
- Опять ты с тросами, - басил Кудлин.
- Такое дело, Иван Михайлович, сами знаете.

- Плохое дело, - перебил Кудлин. - Последний раз подписываю, так и бригадирам скажи. Денег вам государственных не жалко, вот и рвете тросы каждый день.

Завхоз пытался возразить, но Кудлин не дал ему даже рта раскрыть.

- Ну, ладно, ладно, иди уж, - сказал он, вставая из-за стола и легонько подталкивая завхоза к двери. - Ждут меня, понимаешь.

Беседовали мы часа полтора. Чувствовалось, Кудлин знал технику и технологию сплава. Рассказывая о делах конторы, он опериро-

Анатолий ЖАРЕНОВ
БЕГУНЕЦ
Рассказ

вал цифрами, касаясь нововведений, точными словами описывая их суть. Под конец посоветовал познакомиться со сплавщиками, взглянув в какую-то бумажку, назвал несколько фамилий.

- А к Талееву обязательно сходите, сказал он, пожимая мне руку. - Герой, по одиннадцать пучков в час вяжет. Фигура колоритная, в самый раз для очерка. Недавно из треста телеграмму прислали, требуют его опыт обобщить. Я вот тут, - он вытащил из ящика объемистую папку, - накропал кое-что. На днях думаю сфотографировать несколько производственных моментов. А там пусть хоть брошюру издают.

Я подлистал рукопись и просто из вежливости, чтобы как-то закончить разговор, спросил:
- А тросы Талеев тоже рвет?

- Рвет, с самого начала сплава рвет, - заметил Кудлин. - На днях займусь этим вопросом, что-нибудь придумаем.

Прошла неделя, за ней другая. Как-то, уже перед отъездом, зашел я на понтон, где работала бригада Талеева. Хотелось в последний раз потолковать с бригадиром. Молодой, крепко сложенный, бригадир понравился мне сразу. И хотя не очень давно он работал на реке, но ветер и вода успели уже выдубить кожу на его лице до коричневого блеска. Однако ничего не смогил сделать с улыбкой, которая постоянно играла у него на губах и, казалось, лучилась откуда-то изнутри. Она освещала его лицо,

когда он ворочал тяжелые бревна или рассказывал какую-нибудь забавную историю, которых он знал немало. От него и довелось услышать мне то смешное и едкое словечко. Случилось это так.

Связывали пучок. Проскрежетала лебедка, стягивая бревна. Двое рабочих вскочили на них и стали скручивать связку проволокой, как вдруг со стороны сортировочного двора послышался крик.

- Ребята, никак Кудлин идет.

Талеев вышел на край понтона. Поглядел и я. Действительно, вдалеке маячила знакомая коренастая фигура главного инженера. Шагая по скользкому бону, он, балансируя, размахивал руками, словно убеждал в чем-то невидимого собеседника.

Талеев усмехнулся.

- Давненько не видели.

- Он, вроде, в командировке был, - заметил я.

- А нам это ни к чему, - буркнул брига-

да ты погляди, погляди что будет.

Я смотрел на Талеева и не узнавал его. Весь он как-то подобрался. Спряталась всегдашняя светлая улыбка, посуровели плотно сжатые губы, взгляд стал острым. Точно к прыжку приготовился человек. А Кудлин уже вошел на понтон. На плече у него болтался фотоаппарат, на лице написан восторг, удовольствие и еще что-то такое весьма приятное, чему и названия не подберешь.

- Привет, привет, - громко сказал он. - А, и Вы здесь, протянул он мне руку. - очень кстати, поможете опытным глазом сюжеты получше выбрать. Из треста опять звонили, брошюру требуют. И, повернувшись к рабочим, спросил:
- Кто из вас бригадир, ребята?

Талеев пробурчал что-то невнятное.

- А фамилия? - спросил Кудлин - Талеев? Везет мне, на ловца, как говорят, и зверь бежит. Давай-ка, братец, организую несколько снимков. С тебя начнем. Бери багор, станись вот сюда. Так. Готово. Теперь бригаду за вязкой пучка. Думается, так хорошо будет? - обратился он ко мне.

Но я не мог вымолвить ни слова. Много приходилось видеть, как фоторепортеры «организуют» снимки, грешил и сам иногда этим, но такого еще не встречал.

А Кудлин продолжал распоряжаться. В пять минут он нащелкал дюжины две снимков, потом застегнул чехол аппарата и стал прощаться. О брошюре он Талеев не сказал ни слова. Зато, прислушавшись к лебедке, заметил:

- Что-то у вас, бригадир, лебедка тяжело ходит? Укосины-то почему не поставили? Тросов не жалко!

- Какие укосины? - спросил Талеев.

- Треугольники из бревен, на манер кронштейнов. Вот так! - Кудлин рукой очертил в воздухе прямоугольный треугольник и выразительно пояснил, как по его гипотенузе будет скользить пучок. - Наклонная плоскость - это же детям понятно. Завтра же поставьте укосины.

Кудлин побыл на понтоне с почаса, дал еще несколько указаний Талееву. Все его советы и предложения были дельными, аргументированными. Талеев слушал, кивал головой в знак согласия, но обычно улыбающееся лицо его сейчас было угрюмым, брови насуплены.

После ухода главного инженера на плоту с минуту царил молчание. Талеев достал папиросу, долго мял ее, глядя на удаляющегося Кудлина, затем смачно сплюнул в воду.

- Три месяца тросы рвали. А он!.. - И, не закончив фразу, оборвал ее одним словом, словно припечатал:

- Бегунец!

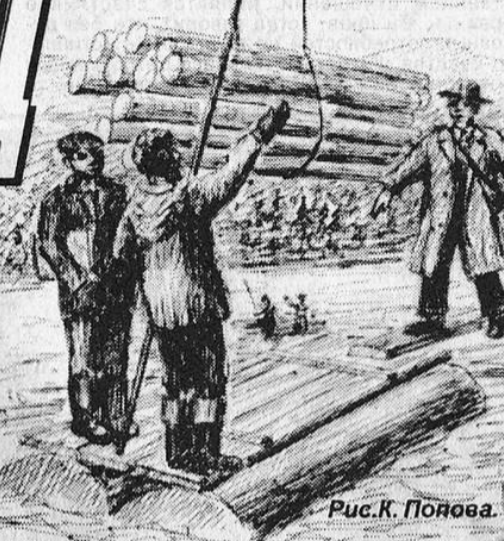

Рис. К. Попова

дир. - потом пояснил: - Почитай, с самого начала сплава на плотках не бывал. Любо ему в кресле сидеть, да на заседании всякие ездить.
- А как же опыт? - вспомнил я. - Ведь он, Петр Иванович, твой опыт обобщил. Тетрадь мне показывал.

- Обобщил, говоришь. Обобщать он может. Для этого с человеком говорить не надобно.

Евгений МОСЯГИН

СОНЕТ

Памяти князя Одоевского,
поэта и декабриста

Вы помните тот славный шумный бал,
Где некогда мы с вами не встречались.
На хорах вальс пленительно звучал,
И дамы кавалерам улыбались.

Бесчисленных свечей был ярост свет.
Вы помните, у бархатной портьеры
Знакомый вам лейб-гвардии корнет
Стоял со своим другом-офицером.

Он вас любил. И этот шумный бал
Был для него и счастьем и страданьем.
Над Петербургом медленно вставал
Зловещий день декабрьского восстанья.

Лейб-гвардии молоденький корнет
Ушел тогда в последний свой рассвет.

Александр КОЛМАКОВ

Благослови, Господь, на все дела.
Ты принял смерть за нас, как искупленье,
И пусть в земле стниют наши тела,
Но в наши души ты вселил прозренья.

Стучался дьявол в лбы, как ворота,
Гримасу злобы обретали лица,
Но понял я - все это - суета -
И смерть принять легко - трудней родиться.

Прожить земной, такой короткий век
И на соблазны мира не поддаваться.
Благослови, Господь, я - человек,
И человеком здесь хочу остаться.

А если согрешу, что ж, твой черед,
Из-под плиты я вылезу могильной,
Пойду туда, куда меня пошлет
Отец и Сын и Дух святой всеильный.

Ад или рай, уж там, браток, держись,
Шепчу себе, склоняясь перед распятым.
Благослови, Господь, меня на жизнь
И я найду достойное занятье.

Стараться буду и из кожи лезть,
Чтоб жить без страха и без сожаленья.
Я к вечной жизни подготовлюсь здесь.
Благослови, Господь, мой день рожденья.

Владимир КУХАРИШИН

ЛИРИКА

В злой, колючий холод,
В равнодушный город,
В серой околорассветной мгле
Тихо, невесомо
Выхожу из дома,
Чтобы раствориться в феврале.

Путь далек, не светел.
Выдувает ветер
Прочь из головы остатки снов.
Памяти страницы
Воскрешают лица
И обрывки искаженных слов.
Взгляды толстокожих
Пасмурных прохожих
Сеют одиночество и сплин.
А наступит время -
Прорастёт то семя,
Вышибая клином первый блин.

Ты играешь реггей,
Он играет в регби.
Стало быть, вся наша жизнь - игра.
У любых обличий
Больше нет отличий,
Нет у них ни пуха, ни пера.
Лёд встречает блеском,
Отвечает треском,
Только не торопится весна.
Хочется дожидаться,
Хочется не сдаваться,
Хочется, чтоб кончилась война.

Не печалься, кроха.
Всё не так уж плохо.
Наши беды - просто дребедень.
Да и ладно, чёрт с ним,
Всё не так уж грустно,
Грустно то, что это - каждый день.

Юлия ЦЫРКУН

ЗИМА

За окнами зимние стужи синели,
А в Пушкинском зале вчера
Сонаты звучали, и трепетно пели
Декабрьской поры вечера.

Январь поспешает, снегами занес
И сказкою сделал леса.
Тончайшей пилою художник-мороз
Офорта творит чудеса.

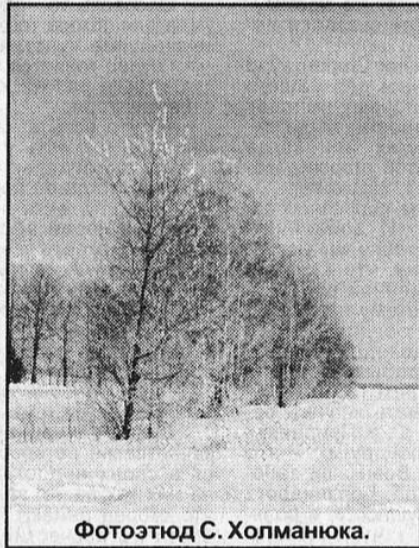
Февраль то морозит, а то заметёт
Метелью от солнышка круг.
Однажды хрустальные слёзы прольёт,
И мир засияет вокруг.

Галина ОРЕХОВА

Еще сугробы за окном
Лучами солнышко ласкает,
Но все теплее с каждым днем
И снег нетерпеливо тает.

Звенит веселая капель,
Журчит проворный ручеек,
И сменил сонный март - апрель
В такой же солнечный денек.

Природа радостно вздохнет,
Взбодрится зеленью одежд.
И зазвенит и зацветет
Пора волнующих надежд!

Фотоэтиюд С. Холманюка.

Людмила СТАРОДУБЕЦ

ОТТЕПЕЛЬ

По обочинам дороги
Снега глыбы, глыбы льда.
А на тёмном дне асфальта,
В лужах талая вода.

Ручейки бегут, струятся
И несутся вниз к реке.
Не успеешь оглянуться -
Уж водичка в башмаке.

Детвора бежит по лужам...
Ну а мамам невдомёк,
Что малыш придет на ужин
Весь промокший как щенок.

Антонина РАДЧЕНКО

ОБМАН ЗИМЫ

Задекабрило. Белые вьюги
На полях расстелили постель.
Стылым звоном звенит за окошком
Бородою сосуллек метель.

Белоснежье. Ажурье снежинок.
Занесенных лесов глухота.
Над окном ожерелье из льдинок
И пустых вечеров маята.

На рябине как свечка на елке, -
Глаз обманет алекая стын -
Это с красною ягодой в клюве,
Залетел красногрудый снегирь.

Где все это? Дождливая просинь
И водой заливают снега,
К нам вернулась плаксивая осень,
Нас опять обманула зима...

Но декабрь свои правила знает:
Будет вьюг и стеланье, и свист...
На окошке моем расцветает
Алым цветом - цветком «декабрист».

Нам повеют морозы надеждой,
Свежим снегом умоет лицо.
И смотри-ка, опять прилетел к нам,
С белой вьюгой, - снегирь на крыльцо.

Вячеслав КОРЫТКО

ЗИМА ПОШЛА НА УБЫЛЬ

Зима уже пошла на убыль,
Хотя порой еще мороз
Хватает за уши и нос
И кто-то кутается в шубы.
И все ж зима пошла на убыль.

Хотя порой еще метели
Свой водят белый хоровод,
Все чаще блещет небосвод
И весело звенят капели.
Пусть позабавятся метели.

Что ж, снег сверкает белизной,
Покров его местами пышен,
Но солнце с каждым днем все выше,
Наводит светлый мост с весной.
Пусть снег сияет белизной.

Зимы ночное одеяло
День тихо стягивает прочь
И, укорачивая ночь,
Сам прибавляется помалу, -
Весне готовит он начало.

Любовь ФЁДОРОВА

УТРО ЗИМНЕЕ

Утро зимнее, утро чистое,
Как прекрасно дыханье твое,
И все сказочно-серебристое,
И от радости сердце поет.

Я хочу, чтоб зима не кончалась,
Не хочу, чтоб бежали ручьи.
Я хочу, чтоб сама догадалась,
Кто прошел и следы это чьи.

По морозам скучала на юге,
По пушистой и белой зиме,
По тоскующее-плачущей вьюге
И по русской родимой земле.

Как прекрасно сияние солнца!
Дам от радости волю слезам,
Вьюпы утро до самого донца,
Никому, никому не отдам!

Утро зимнее, утро чистое,
Обновляюсь дыханьем твоим.
Я теперь сама, как Пречистая,
Одаренная духом святым.

Зоя ЗАЙЦЕВА

Ах, как важна для сердца пара взглядов!
Ах, как важна всего одна улыбка!
Но от тебя мне ничего не надо:
Ты не со мной... Да, это было пыткой,

Когда - ещё совсем недавно, вроде!
Твои слова мне оседали в душу,
Могли цвести при солнечной погоде
И увядали при морозной стуже.

А вот сейчас мне ничего не надо.
Я каюсь: моё счастье было зыбко,
И ни к чему теперь мне эти взгляды,
И уж тем более - какие-то улыбки.

Артур ВАГАБОВ

По-весеннему ветер таится,
По-осеннему плачут дожди.
Я в тебе нашёл близкие лица
И поверил: вся жизнь впереди.

Пусть тропинка стара и знакома,
Каждый шаг где помечен тобой,
И порой выхожу я из дома,
Чтобы лишь пообщаться с луной.

Сердце счастьем горит молодое,
Не тревожит, не злит суета,
И в мечтах моих грустных - святое:
Мама, вера, родные уста.